

Историческая память как фактор национальной безопасности

Владимир Александрович Гринюк,
кандидат исторических наук, ведущий науч-
ный сотрудник Центра исследований Японии
Института Дальнего Востока РАН, Москва.
E-mail: vladimirgrinyuk@mail.ru

В статье рассмотрены некоторые трагические эпизоды истории отношений Японии с другими странами (Россией, Китаем и государствами Корейского полуострова), отразившиеся в памяти народов и сформировавшие негативный фон для развития политических связей. Цель публикации — показать, как интерпретация фактов истории становится предметом острой идейной борьбы и влияет на состояние национальной безопасности государств.

Ключевые слова: русско-японская война 1904—1905 гг., Пакт о нейтралитете между СССР и Японией, ответственность за агрессивные войны, колониальное господство Японии в отношении Кореи.

Historical memory as a factor of national security.

Vladimir A. Grinyuk, Cand. Sc. (History), senior researcher at the Centre for studies of Japan of the Institute of Far Eastern Studies, RAS, Moscow.

The article deals with some tragic events in the history of Japan's relations with the other countries (Russia, China and the Korean peninsula) being an echo in the peoples' memory and having formed a negative background for the development of international ties. The purpose of the publication is to show the way of interpretation of the facts of history becoming the subject of heated ideological struggle and its affecting the states' national security.

Key words: Russian-Japanese war of 1904—1905, Neutrality Pact between the USSR and Japan, responsibility for wars of aggression, colonial domination of Japan in respect of Korea.

Эпизоды противостояния России (Советского Союза) и Японии хорошо известны. Это русско-японская война 1904—1905 гг. и получение Японией Южного Сахалина в соответствии с условиями Портсмутского мирного договора, интервенция Японии на советский Дальний Восток в 1918—1922 гг. и её оккупация Северного Сахалина в период с 1918 по 1925 г., пограничное столкновение у оз. Хасан в 1938 г., боевые действия у реки Халхин-Гол в 1939 г., участие СССР в войне против Японии в августе — сентябре 1945 г. В обращении И.В. Сталина к советскому народу по случаю подписания Токио акта о безоговорочной капитуляции 2 сентября 1945 г. говорилось: «Поражение русских войск в 1904 г., в период русско-японской войны, оставило в сознании народа тяжёлые воспоминания... Сегодня Япония признала себя побеждённой и подписала

акт о безоговорочной капитуляции. Это означает, что Южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне... будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии» [1, с. 478].

Вокруг трактовки исторических фактов ведётся острая дискуссия. Японская сторона утверждает, что вступление СССР в войну было неправомерным шагом, поскольку Советский Союз нарушил Пакт о нейтралитете, заключённый между Москвой и Токио 13 апреля 1941 г. Главным элементом пакта была вторая статья: «В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет в продолжение всего конфликта». Пакт о нейтралитете между СССР и Японией был ратифицирован в обоих государствах 25 апреля 1941 г. Срок действия договорённости определялся в пять лет. Это означало, что даже в случае её денонсации одной из сторон договор продолжал бы иметь силу до 25 апреля 1946 г. Однако за восемь с лишним месяцев до истечения срока действия Пакта о нейтралитете, 8 августа 1945 г., Советский Союз объявил Японии войну, начал боевые действия на Дальнем Востоке, следовательно, нарушил условия договора. Но эта война стала частью Второй мировой войны, СССР вступил в неё на основе обязательств, данных союзным державам — США и Великобритании. Эти обязательства имели большую юридическую силу, чем Пакт о нейтралитете с Японией, который Советский Союз предварительно денонсировал 5 апреля 1945 г. [2, с. 62].

Обоснованность действий СССР в этом случае подтверждает Устав ООН, подписанный на конференции в Сан-Франциско 26 июня 1945 г. ещё до вступления советского государства в войну против Японии и ратифицированный Президиумом Верховного Совета СССР 20 августа 1945 г. Согласно нормам общего международного права, подписав и ратифицировав Устав ООН, Советский Союз был связан его обязательствами. Одна из основных задач ООН, сформулированная в ст. 1 Устава, выражена так: члены Организации «...должны принимать эффективные коллективные меры для предотвращения и устранения угрозы миру и подавления актов агрессии и других нарушений мира». Кроме того, ст. 103 Устава гласит: «В том случае, когда обязательства Членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу». Следовательно, действия советского руководства в отношении Японии были правомерными [2, с. 62—63].

Обращение И.В. Сталина к советскому народу 2 сентября 1945 г. показывает, как память о русско-японской войне 1904—1905 гг. и её результатах повлияла на определение линии СССР в отношении милитаристской Японии, в частности на принятие решения о вступлении Советского Союза в войну против неё.

Китай на протяжении многих столетий был для Японии донором цивилизации и пользовался большим авторитетом. Возникает вопрос: почему оказалась возможной жестокая агрессия Японии против него в XX в.? Журналисты газеты «Ёмиури» — авторы вышедшей в 2006 г. книги «От моста Марко Поло до Пёрл-Харбора. Кто несёт ответственность» — дали объяснение причин пренебрежительного отношения японцев к Китаю. По их мнению, поражение последнего в Опиумной войне 1840 г. против Британии шокировало Японию и заставило её в поисках образца для подражания обратить взоры на Запад. Кроме того, победа Японии в первой японо-китайской войне 1894—1895 гг. разрушила имидж Китая как ведущей державы. «Японцы вдруг стали высокомерными, тогда как прежде им не хватало уверенности в себе. Они стали проявлять мало интереса к Китаю и Корее, которыми прежде восхищались как своими учителями». Идеологической основой агрессии были распространённые в Японии представления о Китае как о несостоявшемся государстве. В упомянутой книге приводится такое высказывание офицера штаба Квантунской армии К. Исихара: «Я сомневаюсь, что китайцы способны создать современное государство — уверен, что ханьская раса будет счастливее, если получит возможность дождаться своего естественного развития, пока Япония будет обеспечивать её мир и порядок» [3, р. 69].

По признанию японских учёных, в их стране осознание ответственности за агрессивные войны распространялось медленно. Философ Т. Такахаши пишет, что с 1945 до начала 1970-х гг. проблема ответственности за войны трактовалась главным образом как ответственность за неблагоприятно начатую и бездарно проигранную Токио войну против Вашингтона и его союзников. Лишь после нормализации японо-китайских отношений в 1972 г. в японском обществе стали воспринимать войну против Китая как агрессию, продолжением которой стала война против США. Что же касается колониального господства Японии в отношении Кореи и Тайваня, то даже сегодня лишь немногие японские интеллигенты рассматривают управление Токио колониями как продолжение и следствие агрессивных войн [4, с. 187—188].

Чем объясняется такое отношения японцев к своему прошлому? Бывший генеральный секретарь Либерально-демократической партии К. Като полагает, что Япония, подписав в 1951 г. сан-францисский мирный договор, как государство, на международно-правовом уровне, признала ответственность за войну, однако на эмоциональном уровне её народ не смог воспринять эту ответственность. К. Като называет две причины: во-первых, хотя война на Тихом океане велась именем императора Японии, он не был предан суду Международного военного трибунала для Дальнего Востока. Во-вторых, из-за трагедии атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки у японцев сформировалось стойкое сознание себя как пострадавшей стороны [5, с. 208].

Отсутствие у части японцев критического отношения к прошлому их страны объясняется и тем, что в период оккупации Японии войсками США американские власти не провели в ней последовательной демилитаризации

общественного сознания в такой мере, в какой была осуществлена денацификация Германии. На первом этапе оккупации, продолжавшемся до 1947 г., в Японии прошла чистка в отношении милитаристских элементов. Помимо Токийского процесса над главными военными преступниками, военные трибуналы в Сингапуре, Маниле, Гонконге, на о-ве Гуам, в Йокогаме рассматривали дела подозреваемых классов «В» и «С»: к смертной казни приговорили 937 чел., к пожизненному заключению — 338 чел., к другим наказаниям — более 3 тыс. чел. По указанию штаба оккупационных войск японское правительство увольняло профессиональных военных и педагогов — носителей милитаристских настроений. Различным репрессивным мерам, включая отстранение от занимаемых постов и запрет на занятие общественных должностей, подверглось свыше 200 тыс. чел. [1, с. 497].

Однако с началом холодной войны Вашингтон полностью прекратил меры по демилитаризации недавнего противника. Победа коммунистов в Китае и образование КНР в 1949 г. резко изменили расстановку сил в пользу социалистического лагеря. В 1948 г. Токио приобрёл значение важного союзника Вашингтона в деле сдерживания коммунизма. Поэтому в 1948—1952 гг. США проводили в отношении Японии обратный курс свёртывания демократических преобразований, ограничения деятельности левых политических партий, «чистки красных» и отмены репрессий в отношении милитаристских элементов. Эта тенденция немедленно проявилась в мерах администрации Соединённых Штатов по отношению к японским военным преступникам. В конце декабря 1948 г. из тюрем были выпущены все подозревавшиеся в военных преступлениях лица, которым ещё не предъявили обвинения. 7 марта 1950 г. главнокомандующий оккупационными войсками в Японии генерал Макартур издал так называемый «Циркуляр № 5», в котором уже прямо было заявлено, что все военные преступники, отбывавшие заключение по приговорам всех военных судов (в том числе и по приговорам Международного военного трибунала для Дальнего Востока), могут быть досрочно освобождены [6, с. 46—47].

С вступлением в силу сан-францисского мирного договора (28 апреля 1952 г.) была прекращена оккупация Японии и отменены ограничения её суверенитета. С согласия администрации США и правительств других стран, подписавших договор (в число которых не входили СССР и КНР), японское правительство к 1956 г. досрочно освободило всех оставшихся в живых (т.е. не казнённых по приговорам судов и не умерших в заключении) военных преступников классов «А», «В» и «С». В их числе было 15 главных военных преступников, приговорённых к пожизненному заключению. Для сравнения: большинство главных немецких военных преступников, осуждённых Международным военным трибуналом в Нюрнберге, полностью отбыли назначенные им сроки тюремного заключения [7, с. 105—107].

Долгое время серьёзным препятствием для развития связей между Пекином и Токио были посещения японскими политиками синтоистского храма Ясукуни — места поклонения «душам воинов, отдавших жизнь за императора». Наряду с 2 460 тыс. военных, погибших во всех войнах нового

времени, в этом святилище обожествлены и 14 главных военных преступников, казнённых или умерших в заключении по приговору Международного военного трибунала для Дальнего Востока. В Ясукуни поклоняются инициаторам и исполнителям захватнической политики, там ведётся её оправдание и приукрашивание. На территории храма находится военный музей Юсюкан, и его экспозиция посвящена всем войнам нового времени, которые вела Япония. Материалы музея изображают развязанную Японией войну против Китая и войну на Тихом океане, с одной стороны, как осуществление «миссии по освобождению народов Азии от колониализма западных держав», с другой — как «законный акт самообороны империи». После трагических событий 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке администрация музея Юсюкан в оправдание агрессии против Китая стала использовать тезис о «борьбе с терроризмом» [8, р. 301—302].

В период пребывания на посту премьер-министра Японии Дз. Коидзуми (2001—2006 гг.) участие главы правительства в церемониях поклонения «душам героев» было регулярным и демонстративным. Вызывающие действия Коидзуми привели к замораживанию связей между Токио и Пекином. Поэтому после 2006 г. руководители правительства Японии воздерживались от участия в церемониях, проводившихся в Ясукуни. Но 31 октября 2008 г. начальник штаба Воздушных сил самообороны Японии Т. Тамогами опубликовал эссе «Были ли японцы нацией-агрессором?». Он настаивал на том, что страна стала жертвой, втянутой в войну с Китаем актами терроризма и провокациями со стороны Гоминьдана, которым якобы манипулировал Коминтерн с целью вовлечь Японию в гражданскую войну в Китае и приблизить победу коммунистических сил. Из-за этого скандального выступления военачальник был отправлен в отставку [9]. Нынешний премьер-министр Японии Ё. Нода в августе 2011 г., в бытность министром финансов, позволил себе высказывание, что главные японские военные преступники, обожествлённые в храме Ясукуни, таковыми уже не являются [10]. Нода подвергся критике в японской прессе, однако не только не потерял министерский пост, но и вскоре возглавил правительство Демократической партии.

Отсутствие в японском обществе консенсуса по вопросу исторической ответственности страны вызывает настороженность в Китае. Так, 18 января 2007 г., комментируя повышение с 9 января 2007 г. статуса управления национальной обороны Японии до уровня министерства обороны, официальный представитель МИД КНР Лю Цзянь Чао отметил, что новые шаги Токио в военной сфере вызывают озабоченность сопредельных государств, в том числе Китая. Дипломат пояснил, что «по историческим причинам Китай и другие страны-соседи Японии с неизменно большим вниманием следят за действиями в военной сфере этой страны» [11]. Нынешние драматические события — конфликт между Токио и Пекином по поводу островов Сэнкаку — также имеют историческую подоплёку. Как передавала японская телерадиовещательная корпорация NHK, в рамках этого столкновения 18 сентября 2012 г. наблюдался резкий всплеск выступлений против Японии. Он был связан

с 81-й годовщиной инцидента 18 сентября 1931 г. в Мукдене, послужившего предлогом для захвата Японией Маньчжурии.

Историческая память корейцев и японцев также отягощена взаимными претензиями. В конце XVI в., в период правления в Японии военачальника Тоётоми Хидэёси, под его руководством в 1592 и 1597 гг. были предприняты походы в Корею. Подготовка и вооружение корейских солдат были гораздо ниже уровня выучки и техники, которого к тому времени достигло самурайское войско. Менее чем за месяц армия Хидэёси заняла территорию Кореи. Королевская династия Чосон стояла перед угрозой краха. От гибели страну спасли военная помощь со стороны сюзерена (минского Китая) и самоотверженная партизанская война корейского народа. Имджинская война (по циклическому наименованию, 1592 г. — *имджин* — год Дракона) закончилась в 1598 г. поражением и эвакуацией японского войска [12, с. 376—379]. Но цена победы была очень высокой: помимо огромных людских потерь, в результате нашествия были уничтожены государственные исторические документы, архивы, культурные ценности и произведения искусства [13, с. 80]. Огромный ущерб понесла экономика Кореи: даже в 1611 г., через 13 лет после имджинской войны, обрабатываемые земли составляли всего 31% довоенного фонда [14, с. 13]. Десятки тысяч крестьян и ремесленников были уведены в плен в Японию, где часть из них (по некоторым подсчётам 50—60 тыс. чел.) была продана португальским и испанским работорогвцам, а часть навсегда осела на Японских островах. Попавшие в японский плен корейские гончары и печатники сыграли ключевую роль в развитии керамического производства и книгопечатания в ранний период правления режима Токугава. Для Кореи же убыль лучших мастеров представляла невосполнимый ущерб [12, с. 379]. Со времён имджинской войны в исторической памяти корейцев японцы предстают как жестокие агрессоры. Для корейцев наглядным доказательством зверств захватчиков служит сохранившийся по сей день могильный холм Мимидзука в Киото. Там захоронены уши и носы многих тысяч корейцев, убитых воинами армии вторжения Хидэёси [15, р. 5—6].

Однако самая глубокая рана, нанесённая национальным чувствам корейцев, связана с империалистическим вмешательством Японии в политику, экономику и культуру их страны в начале XX в., в особенности с японским колониальным господством в период с 1910 по 1945 г. В наши дни КНДР и Республика Корея предъявляют Японии счёт по поводу захвата корейской территории (островов Токто) после того, как страна была по существу лишена суверенитета в результате навязывания ей в 1905 г. японского протектората. После 1910 г. экономический гнёт со стороны колонизаторов выражался в разных формах, включая захват у корейских крестьян и передачу японским переселенцам наиболее плодородных земель, дискриминацию при оплате труда корейских наёмных рабочих. Нещадно подавлялись культура и язык корейцев, им навязывалась чуждая религия — синтоизм, предпринимались меры по уничтожению национальной идентичности. Власти Японии жестоко расправлялись с борцами за национальную независимость. Только при подавлении антияпонского восста-

ния в марте 1919 г. было убито 7 500 и ранено около 16 тыс. чел. [12, с. 113]. Во время войны на Тихом океане корейскую молодёжь мобилизовали в японскую армию, более миллиона корейцев были переселены в Японию, на Сахалин и в страны Юго-Восточной Азии, где их использовали на принудительных работах. В период агрессии Японии против Китая и войны на Тихом океане десятки тысяч корейских женщин были вынуждены в качестве сексуальных рабынь обслуживать японских военных. Большинство японцев считали корейцев отсталым народом. Их высокомерие питала гордость тем, что с конца XIX в. Япония смогла приспособиться к западным стандартам и стала созидательницей империи, в то время как Корея оказалась недостаточно развитой, чтобы отстоять своё государство. Большинство японцев полагало, что их страна способствовала модернизации Кореи [16, р. 40—41]. К тому же японцы судили о корейской нации по переселенцам — в основной массе бедным и неграмотным крестьянам или неквалифицированным рабочим из южных провинций Кореи, где степень индустриализации была ниже, чем на севере страны. Среди приезжих отмечался высокий уровень преступности. Для японцев они служили наглядным свидетельством отсталости Кореи [17, р. 11].

По существу, все серьёзные проблемы, осложняющие сегодня отношения Токио с государствами Корейского полуострова, заложены в истории японо-корейских связей. Так, непреодолимым препятствием для учреждения нормальных дипломатических отношений между Японией и КНДР стала проблема похищения японских граждан спецслужбами Северной Кореи в 1970—1980-х гг. По признанию Пхеньяна, этих японцев использовали в качестве преподавателей языка и инструкторов в разведывательных школах. По мнению японского историка Харуки Вада, противоправные действия КНДР имели место потому, что в Северной Корее всегда смотрели на Японию как на вражеское государство. Во-первых, из-за колониального господства в отношении Кореи, во-вторых, из-за роли тыловой базы противника КНДР — США во время войны в Корее в 1950—1953 гг. [18]. В Пхеньянской декларации, подписанной в сентябре 2002 г. премьер-министром Японии Дз. Коидзуми и руководителем КНДР Ким Чен Иром, проблема похищений оценивалась как вопрос, «затрагивающий жизнь и безопасность японского народа» [19, с. 15].

В то же время обозначенные проблемы сильно осложняют отношения между Японией и Республикой Корея и влияют на состояние национальной безопасности двух стран. Между этими государствами не утихают споры по поводу принадлежности островов Токто (Такэсима) и из-за проблемы «ианфу» («женщин для утешения»). В данном примере историческое прошлое проявляется иначе, нежели в случае с Японией и КНДР. Япония и Южная Корея связаны с Соединёнными Штатами двусторонними договорами о взаимном обеспечении безопасности, но, несмотря на усилия Вашингтона, направленные на развитие военного сотрудничества в рамках треугольника США — Япония — Южная Корея, Сеул в этом вопросе ведёт себя очень сдержанно. Так, в декабре 2010 г. премьер-министр Японии Н. Кан во время встречи с родственниками похищенных

японских граждан заявил, что правительство должно рассмотреть вопрос о направлении служащих Сил самообороны на Корейский полуостров, если там возникнет чрезвычайная ситуация. Реакция Южной Кореи на это высказывание была весьма резкой. 15 декабря газета «Джонанильбо» опубликовала передовую статью, в которой о словах Н. Кана говорилось как о «неуважительных в отношении Кореи, где всё ещё испытывают горечь в связи с вторжением Японии» [20].

Несмотря на крайнее обострение обстановки на Корейском полуострове после предпринятого северокорейской армией 23 ноября 2010 г. артиллерийского обстрела южнокорейского о-ва Ёнпхендо, Республика Корея не изменила негативного подхода к перспективе военного сотрудничества с Японией. В январе 2011 г. газета «Ёмиури» напечатала материал о том, что Япония и Республика Корея подготовили совместную декларацию о намерении усилить двустороннее военное сотрудничество. Однако представитель Министерства обороны Японии в интервью газете «Асахи» опроверг это сообщение. Он подчеркнул, что вопрос об оказании южнокорейской армии помощи со стороны Японии даже в плане логистики потребовал бы подготовки в течение 10 лет. А представитель аппарата президента Республики Корея заявил, что сторонники проведения совместных корейско-японских военных учений включают 90% японцев и лишь 10% корейцев [21].

В конце июня 2012 г. планировалось подписание японо-южнокорейского соглашения о сотрудничестве в военной области — Соглашения о безопасности относительно военной информации (этот документ должен был заложить правовые основы для обмена секретной информацией между двумя странами). Однако 29 июня стало известно об отмене подписания соглашения. Правительство вынуждено было отказаться от него ввиду резко отрицательной реакции общественности на то, что проект документа готовился закрыто и не прошёл обсуждения в парламенте. «Правительство «продавливало» соглашение, не заручившись поддержкой общества, а это полностью противоречит основам демократии. Кроме того, речь идёт о соглашении с Японией. У нас преобладают антияпонские настроения независимо от правой или левой ориентации избирателей», — писала Korea Times.

Таким образом, память о прошлом в российско-японских, китайско-японских и корейско-японских отношениях оказывает воздействие на решения в области обороны соответствующих государств и в этом смысле выступает как фактор национальной безопасности. На отношение государств Восточной Азии к Японии в наше время отрицательно влияет отсутствие в японском обществе последовательности в осуждении захватнической политики, которую японская империя проводила с начала XX в. до 1945 г. Если бы японская элита более решительно выступала против попыток приукрасить и оправдать милитаризм, это вызвало бы положительную реакцию за рубежом. Можно предполагать, что в этом случае соседи Японии признали бы ныне действующую конституцию страны с её пацифистской девятой статьёй, а также значительный вклад Японии в модернизацию стран Восточной Азии, который она сделала после Второй мировой войны. Тогда речь шла бы о другой, положительной по содержанию исторической памяти.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. История Японии 1868—1998 гг. Учеб. пособ. Т. 2. Москва: ИВ РАН, 1998.
2. Кузьминков В.В. Проблема размежевания между Россией и Японией: международно-правовые основы. Актуальные проблемы современной Японии. Вып. 25. Москва: ИДВ РАН, 2011.
3. From Marko Polo Bridge to Pearl Harbor. Who Was Responsible? // The Yomiuri Shimbun. Tokyo, 2006.
4. Такахаси Тэцуя. 2010 нэн но сэносэкининрон = Теория ответственности за войны в 2010 г. // Сэкай. 2010. № 1.
5. Като Коити. Тайбэй мондай ни нару маэ ни кайкэцусинакэрэбанаранай = Эту проблему необходимо разрешить прежде, чем она станет проблемой японо-американских отношений // Тюокорон. 2006. № 9.
6. Рагинский М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых. По материалам Токийского и Хабаровского процессов. М., 1985.
7. Гринюк В.А. 65-я годовщина начала Токийского процесса // Япония наших дней. 2011. № 2(8).
8. Kingston A. Awkward Talisman: War Memory, Reconciliation and Yasukuni // East Asia. An International Quarterly. 2007. Vol. 24, № 3.
9. Przystap James. Japan-China relations: Gyoza, Beans and Aircraft Carriers // CSIS.ORG: информационный портал. URL: http://www.csis.org/media/csis/pubs/0804qjapan_china.pdf.
10. Kang David, Jiun Bang. Japan — Korea Relations: Reality or Symbolism in the Relationship // CSIS.ORG: информационный портал. URL: http://www.csis.org/files/publication/1102qjapan_korea.pdf.
11. Китай призывает Японию делать больше для улучшения и развития двусторонних отношений // RUSSIAN.PEOPLE.COM.CN: онлайн газета «Жэньминь жибао». 2007 г. 19 янв. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/5306153.html>.
12. Тихонов В.М. История Кореи. Т. 1. С древнейших времён до 1876 г. М.: «Муравей», 2003.
13. Корея: справочник. Корейская служба информации для зарубежных стран. Сеул, 1993.
14. Ванин Ю.В. Экономическое развитие Кореи в XVII—XVIII вв. М.: Наука, 1968.
15. Dewayne J. Creamer. The Rise and Fall of the Chosen Soren: it's Effect on Japan's Relations on Korean Peninsula. December 2003 // DTIC.MIL: информационный портал. URL: <http://www.dtic.mil/cgi-bin/GetTRDoc?AD=ada420217>.
16. Paul Huen Chan. From Colony to Neighbor: Relations Between Japan and South Korea, 1945—1948. Ph.D. dissertation. John Hopkins University, 1988.
17. Alice K. Lee. Koreans in Japan: Their Influence on Korean-Japanese Relations. Master Thesis, Naval Postgraduate School, 1979.
18. The Strange Record of 15 years of Japan-North Korea Negotiations. By Gavan McCormac and Wada Haruki. Japan Focus. Sept. 2, 2005. // JAPANFOCUS.ORG: информационный портал. URL: <http://japanfocus.org/-Wada-Haruki/1894>.
19. Гайкофуораму. 2002. № 12.
20. David Kang, Ji Yang Lee ge. Japan-Korea Relations: The New Cold War in Asia // CSIS.ORG: информационный портал. URL: <http://www.csis.org/files/publication/1004qjapan-korea.pdf>.
21. David Kang, Jiun Bang. Japan-Korea Relations: Japan's Tragedy Overshadows Everything // CSIS.ORG: информационный портал. URL: <http://www.csis.org/files/publication/1101qjapan-korea.pdf>.
22. The Korea Times. July 16, 2012.